

С.А. Зелинский

АНАЛИЗ МАССОВЫХ МАНИПУЛЯЦИЙ В РОССИИ

Анализ задействования манипулятивных методик управления массами
в исследовании деструктивности современной эпохи на примере России.

Психоаналитический подход

теории манипулирования массами

Теории манипулирования массами

Сергей Зелинский

**Анализ массовых манипуляций в
России. Анализ заде́йствования
манипулятивных методик
управления массами в
исследовании деструктивности
современной эпохи
на примере России.
Психоаналитический подход**

Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ"

2008

Зелинский С. А.

Анализ массовых манипуляций в России. Анализ задеирования манипулятивных методик управления массами в исследовании деструктивности современной эпохи на примере России.

Психоаналитический подход / С. А. Зелинский — Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ", 2008 — (Теории манипулирования массами)

ISBN 978-5-903463-10-7

Данная монография посвящена актуальнейшему социально-психологическому явлению как в развитии всей истории человечества, так и в современной исторической ситуации, когда на фоне глобализации все исторические и геополитические процессы ускоряются в десятки раз. Этим объектом научного анализа является манипулирование психикой в целях управления обществом со стороны власти. Сама власть, ее интересы и мотивация также становятся объектом исследования данной работы.

© Зелинский С. А., 2008

ISBN 978-5-903463-10-7

© Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2008

Содержание

Часть 1	6
1. Вступление. Общий анализ проблемы	6
2. Схемы манипулирования	11
2.1. Страх как пример задействования базового инстинкта	11
2.2. Провоцирование психики как форма эффективного манипулирования	16
2.3. Невроз как основа подчинения	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сергей Зелинский
Анализ массовых манипуляций в
России. Анализ задеирования
манипулятивных методик управления
массами в исследовании деструктивности
современной эпохи на примере
России. Психоаналитический подход

© ИТД «СКИФИЯ», 2008

© Зелинский С. А., 2008

* * *

«Для ученого советская система и то, что стало происходить потом, что происходит сейчас, – это рай. Все процессы обнажены, нужно только смотреть с открытыми глазами, с определенным поворотом мозгов. Все обнажено, все ясно, очевидно, ничто пока не прячется. Пройдет еще немного времени, и все спрячут, отлакируют, и потребуются еще десятки или даже сотни лет, чтобы делать те открытия, которые я сейчас называю банальными».

А. А. Зиновьев

Часть 1

1. Вступление. Общий анализ проблемы

Ситуация, сложившаяся в современной России, приносит немало вопросов в умы интеллектуалов, вынужденных наблюдать за перипетиями судьбы отчизны. Действительно, Россия являет ярчайший пример последствий происходивших преобразований. Только в прошлом, XX веке на долю нашей страны выпало множество различных испытаний, которые она, конечно же, выдержала (а если страна сохранила свой язык и территориальную целостность, то уже можно говорить, что так). Но и при этом следует заметить, что любые испытания закаляют характер как отдельного индивида, так и всей страны в целом. Как, впрочем, и являются материалом для многочисленных исследований, что вполне понятно и оправданно. Ведь даже за прошедшие сто лет (с момента первой революции и до сегодняшнего дня) по числу произошедших событий и последовавших изменений, связанных с воздействием на подсознание путем изменения идеологической составляющей, наша страна вполне уверенно выбивается в лидеры.

Однако рассмотрим последние несколько десятилетий. В исследовании которых, впрочем, мы совсем не можем отказаться от некоторых экскурсов и в историю.

Советская власть, просуществовавшая чуть более 70 лет, наметила определенную составляющую коллективного бессознательного индивидов, населявших некогда великую державу. При этом стало наблюдаться, по мнению современного российского ученого В. Медведева, высказанному в работе «Анализ структур коллективного бессознательного современного российского общества применительно к институту президентской власти»¹. «Весьма болезненное расслоение психики, типичное для человека переходной эпохи, вынужденного ломать традиционные модели поведения и формы их личностного обоснования. Ценности и идеалы, нормы поведения и идеологические иллюзии отходящей эпохи не могут быть просто отброшены и заменены чем-то новым. Их появление в сфере глубинных мотиваций было далеко не случайным, они эмоционально нагружены опытом наших ранних детских переживаний, связаны с вхождением в этот мир через идентификацию с родителями, через уподобление им. Отказ от непосредственного воспроизведения данных поведенческих стереотипов, вынужденное их вытеснение в область личного бессознательного, куда человек обычно отбрасывает все неприемлемые для современной культуры мысли, побуждения и эмоции, порождает тяжелейший невротизированный психологический конфликт. Сегодняшняя социально-психологическая ситуация предъявляет россиянину практически невыполнимое требование – отказаться от мира своего собственного детства, мира по-своему прекрасного, гармоничного и целостного, но всем своим содержанием (от детских сказок типа «Золотого ключика» до пионерской ритуальности) альтернативного требованиям изменившейся культуры».

Последствиями такого принудительного предательства родительской культуры (или же, говоря психоаналитическими терминами, «греха отцеубийства») на уровне личности выступают повышенная тревожность, склонность к истерическим реакциям и паническим состояниям, а на общественном уровне – неустойчивость тенденций социальной динамики, непредсказуемость всплесков массовой деструктивности и податливость массового сознания различного рода маниакальным «измам». Российское общество страдает социально-психологическим расстройством, описанным еще основоположником психоанализа Зигмундом Фрейдом, – разрушена преемственность воспроизводства «Сверх-Я» культурного сообщества; т. е.

¹ www.vapp.ru

запреты и нормы сложившегося нового общественного устройства, не пропущенные у данного поколения россиян через культуру детства, а, напротив, альтернативные ей, теряют личностный характер и становятся чем-то навязываемым извне, чуждым и раздражающим... Тот вариант имперского мифа, в рамках которого осуществлялось в XX веке саморегулирование социальной системы в России на протяжении жизни не менее трех поколений (с конца 20-х годов вплоть до августа 1991 года), представляет собой довольно-таки типичное идеологическое образование, поддерживающее стабильность в обществах, в силу ряда обстоятельств не имевших возможности выдержать режим формирования собственной национальной государственности (по отношению к современной России данный режим будет проанализирован ниже). Данный тип социальной мифологии востребуется коллективным бессознательным общества в ситуации кризиса, возникающего в ходе построения национальной модели государственности и связанного с детским страхом одиночества, противопоставления себя через национальную идею всему остальному миру. Страх неизбежно порождает агрессивность, а бегство от пугающей отстраненности от других стран неизбежно приводит к идентификации с ними, к стремлению воссоединиться с ними в некую целостность. Таков социально-психологический исток всех форм имперской идеологии». Далее Медведев дает характеристику имперского мифа: «Имперский миф характеризуется следующими особенностями:

а) в отличие от национального мифа, консолидирующего людей на основании общего прошлого, исторической традиции, он создается вокруг общего будущего, некоей футурологической модели, подлежащей реализации. Ориентация на временную перспективу порождает особую форму идеологии – миф о грядущем всеобщем счастье, требующий от отдельного человека терпения и жертвенности;

б) имперский миф всегда глобален, пределы его территориальной и идеологической экспансии ограничиваются лишь рамками земного шара, а зачастую выходят и за его пределы (вспомним хотя бы весьма характерное и дорогостоящее соперничество двух великих имперских проектов XX века за право быть первыми на Луне). Глобальность притязаний имперского типа социального устройства определяет и особую сконцентрированность любых форм личностно мотивированной активности на достижении общей цели. Обоснование подобной «одномерности» поведенческих проявлений отдельного человека называется имперской идеей, которая легко выводит его из-под влияния семейных, профессиональных, территориально-групповых и национальных ограничений;

в) наличие имперского мифа (характерными, хоть зачастую и атавистическими признаками которого выступают глобусы и птичья символика в государственных гербах) демонстрирует нам текучесть, неустойчивость социума, неустоявшийся характер всех его институтов. Долгие годы, пожалуй, даже столетия символика римских орлов и серпа и молота на фоне земного шара позволяла России экономить на всем «излишнем» типа собственной национальной идеи и собственной национальной государственности. Быть «русским» означало присоединиться к великому походу «из варяг в греки», и изначально среди дружинников Ольгерда, Игоря и Святослава, штурмовавших Царьград и взимавших дань с подвластного им оседлого населения, славян было ничтожное меньшинство. И даже много столетий спустя цвет русского народа (но отнюдь не нации!), его дворянство, строило свои генеалогии исключительно по принципу поиска того, на каком этапе истории их предок – литвин, татарин, шотландский наемник или же эфиопский пленник – примкнул к очередному российскому имперскому проекту;

г) имперский миф вызревает в особом типа семейной среде, даже точнее сказать – вне семейной среды, в атмосфере демонстрируемой нелюбви (материнской депривации) и фрустрированности, т. е. отказа в удовлетворении первичных жизненных потребностей ребенка. Именно имперское общество породило такое калечащее психику человека, но крайне необходимое для воспроизведения требуемых от личности сверхкомпенсаторной активности и мазо-

хистской жертвенности социальное изобретение, как детские ясли и детские сады. Подробный анализ символики детства человека имперской советской ментальности (сказок, игр, ритуалов детской и подростковой субкультуры), проведенный автором, позволяет выделить следующие характерные особенности культуры детства человека имперского типа:

а) установка на «неистинность отцов». Культивирование ситуации искусственного сиротства порождает психическую неуравновешенность, сверхнапряжение постоянного стремления компенсировать данный пробел поиском идеального Родителя и максимальной жертвенностью при служении связанной с его именем имперской идее. Архетип сиротства, который в условиях функционирования национального мифа становится для ребенка средством идентификации, сращивания со своей национальной принадлежностью, восприятия ее в качестве условия личностности, у человека с имперским типом детства становится поводом уклониться от идентификаций на групповом и национальном уровнях;

б) негативный Эдипов комплекс. Стимулированная культурой детства невозможность самоотождествления себя с родителем своего пола приводит человека имперской культуры к разрушению традиционной модели семьи и досуга, порождает серьезные проблемы в сексуальной сфере, но зато придает невиданный размах сублимационной активности. Для человека, выросшего в культуре имперского мифа, психологически комфортными являются все альтернативные семье социальные образования (от трудовых и воинских коллективов до маргинальных и криминальных сообществ), поскольку негативно пережитая в детстве Эдипова ситуация порождает устойчивую тенденцию «бегства из семьи», становящейся «ячейкой общества», т. е. источником поддерживающей социальность тревожности;

в) Чрезмерная доза прямого устрашения в культуре детства (начиная со знаменитого: «... Придет серенький Волчок, и ухватит за бочок, и утащит во лесок...») и ориентация на агрессивность как средство снятия фобийности. Именно из данного источника вырастает типичное для имперской личности восприятие насилия как обыденной формы социального воздействия и нормы межличностной коммуникации. Поэтому, будучи объединены в массу (на митингах, демонстрациях, съездах и пр.), люди, выросшие под эгидой имперского мифа, востребуют ритуалы нагнетания агрессивности, направленной на созданный идеологией образ Врага, и устрашающие символы (типа серпа и молота, красного знамени, или же бюста жертвенного агнца-Ильича на фоне кровавой плюшевой скатерти), возвращающие каждого из них в атмосферу собственного детства».

«Имперский миф психологически чрезвычайно комфортен, – продолжает Медведев в своем исследовании, – несет в себе возможность избегания мучительного выбора модели личной самоидентификации, групповой конфронтационной дихотомии по принципу «мы и они», дает ощущение осмысленности и важности любых личных жертв во имя сохранения государственности и систем надличностного властвования. В рамках этого мифа человек легко социализируется, безболезненно входит в состояние «винтика» – функциональной принадлежности системы внешних ему социальных структур, не зависит от сдерживающих социальную динамику групповых и национальных традиций».

Далее Владимир Медведев приводит возможные варианты краха имперского мифа, а также перечисляет основные черты национального мифа, приходящего на смену имперскому:

«Но вечно это компенсаторное социально-психологическое состояние продолжаться не в состоянии, – отмечает ученый. – Крах имперского мифа неизбежно происходит по следующим причинам:

а) прохождение оптимума культурной и территориальной экспансии, что неизбежно приводит к чрезмерной унификации имперской идеи и формализации имперской идеологии;

б) потеря вследствие вышесказанного привлекательности имперского мифа для тех подданных империи, которые в силу тех или иных причин сохранили навыки групповой иденти-

фикации и механизмы взросления, опирающиеся на миф неполитического характера (чаще всего – национально-религиозный);

в) провал лежащего в основании мифа футурологического прогноза, наличие которого и делает имперский принцип организации общества изначально уязвимым, в отличие от национального, опирающегося на уже случившееся, хотя и часто переписываемое прошлое. Провал этот рано или поздно демонстрирует личности иллюзорность имперской идеологии и принципиальную нереализуемость имперской идеи. Согласно основному закону манипулирования массой людей, эффективность любой имперской идеи обеспечивается футурологическим прогнозом, соотносимым по времени с периодом смены одного поколения другим. И если для первого имперского поколения отказ от имперской идеи невозможен, ибо означает лишение смысла собственной жизни как совокупности обоснованных ею лишений и жертв, то второе, хотя и воспитанное в имперской культуре детства, уже чувствует психологический дискомфорт и отреагирует на возникающую тревожность модификациями имперской идеологии (типа хрущевской «оттепели» и горбачевской «перестройки»). Третье же поколение, войдя в активный возраст, отторгает имперскую модель как полностью необоснованную. Таков механизм смерти социальных мифов, и потому период продуктивности любого имперского проекта сопоставим с продолжительностью жизни отдельного человека; он не может превысить интервал социальной активности трех человеческих поколений, т. е. 60-75 лет;

д) непосредственным поводом для краха имперского мифа в истории всегда было полное истощение (как экономическое, так и психологическое) общества, наступающее вследствие реализованного или же постоянно готовящегося агрессивного импульса.

В советской России имперский социалистический миф, и так уже носивший надрывной, возвратный характер, являвшийся вынужденным наследником когда-то гремевших норманнского, византийского, великоордынского, панславянского и коминтерновского проектов, явно истощился уже к началу 70-х годов. Осознание этого породило альтернативные имперские идеи, в частности, различного рода вариации «русской идеи» с сохранением имперской идеологии. Одной из самых ярких неоимперских моделей стала теория этногенеза Л. Н. Гумилева, которая попыталась восстановить традиционный тренд Империи на Восток. Усилиями отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС и лично т. А. Н. Яковлева данные попытки реанимации имперского мифа были пресечены на корню, что объективно приблизило наступление периода «перестройки», т. е. вступления российского общества в период распада имперской структуры государственности и кризиса соответствующего ей типа психологии людей.

Результатом подобного рода распада в истории всегда было появление на территории бывшей империи ряда национально ориентированных государственных образований. На основе же имперского типа личности, т. е. фактически – душевного калеки, лишённого ряда подлинно человеческих качеств, связанных с групповыми формами самоидентификации, – постепенно, через реанимацию семейной религиозности и структур гражданского общества, в противовес подданному формировался гражданин.

Можно даже попытаться перечислить основные отличительные черты национального мифа, естественным образом сменяющего миф имперский, и того типа личности, на который он ориентирован:

а) устойчивый приоритет интересов более или менее многочисленной группы людей, связанной единым языком, территорией и исторической традицией, перед любыми другими групповыми и межгосударственными интересами;

б) стабильность элиты и ориентация взаимоотношений «элита – масса» на традиционную патерналистскую модель властвования, опирающуюся на естественные для любого человека семейные роли и религиозно-культурную традицию.

в) воспитание человека в семье в системе устойчивых моделей идентификации, что порождает личность хотя и менее творческую (т. е. невротичную), но зато более защищенную от болезненных последствий невротической тревожности».

2. Схемы манипулирования

2.1. Страх как пример заде́йствования базового инстинкта

По нашему мнению, вполне определенно следует говорить, что и тогда, и сейчас главным достижением в управлении массами являлась идеология, базирующаяся на механизмах управления (манипулирования) массами. Причем после смены правящего строя (и концептуальной смены курса) направленность идеологической составляющей поменялась, а идеи, принципы и методы в целом остались схожими. Разве что несколько изменилась форма манипулятивного воздействия, связанная с ростом коммуникационных технологий. Телевидение, радио и интернет теперь подчинены общему курсу правящего режима. Причем уже можно говорить, что в последующем так будет всегда, независимо от того режима, который придет на смену ныне существующему. Никто не будет добровольно отказываться от возможностей, связанных с ростом глобализации. Хотя, как известно из истории, власть всегда находит, как использовать достижения науки, имеющиеся на тот момент. Например, во времена Гитлера не было высокоразвитых технологий, имеющихся сейчас. И тем не менее, за вождем нации шли миллионы немцев. Не только искренне, но фанатично преданных ему.

Вообще же любопытно, что в так называемом тоталитарном обществе механизмы воздействия на подсознание масс с целью управления не только весьма тонко отлажены, но и в какой-то мере значительно эффективнее иных методик управления (даже связанных с так называемыми высокими технологиями). Причем управление в данном случае строится весьма просто: 1) идет инсценирование страха (страх один из самых мощных блокираторов нервной системы; при страхе получаемая информация достаточно легко откладывается в подсознание, а значит, выходит на первый план суггестия – как программирование масс с целью выполнения установок правящей элиты); 2) происходит управление с помощью страха. Страх в данном случае может быть весьма различен и всеобъемлющ. Это и т. н. глобальный страх, страх в результате внешней угрозы со стороны каких-либо государств. Это и страх каждого индивида за свою жизнь (вероятность возможного ареста, расстрела и проч.).

Управление массами с помощью страха действительно по-своему интересно и очень эффективно. При наступлении страха у индивида блокируется центральная нервная система. Все иные проблемы, существовавшие до нынешнего времени, отходят на второй план, а то и вовсе исчезают. Какие-либо желания (голод, жажда, секс, проч.) тоже исчезают. Сознание индивида занято исключительно поиском способов защиты от страха. И поэтому, когда появляется некая сила, способная защитить индивиды, подверженные страху, с легкостью готовы принять любые условия в обмен на защиту. Отталкиваясь от психоанализа Фрейда, можно провести аналогию с детьми и родителями (строгой матерью или строгим отцом). В данном случае ребенок готов выполнить любые условия, выдвигаемые строгим родителем, только для того, чтобы на него не была направлена агрессия такого родителя. (Тут же хотелось бы заметить, что некоторые родители, испытывающие какие-либо внутриличностные проблемы, зачастую бессознательно отыгрывают на детях свои деструктивные эмоциональные проблемы, что в иных случаях негативно сказывается на детях.) И в случае государства в целом работает тот же механизм, та же схема. Идет какая-либо внешняя угроза. Отец (вождь, канцлер, генеральный секретарь, президент...) выступает защитником интересов трудящихся. И словно бы в обмен на это, народ, забыв про какую-либо индивидуальность, бросается в объятия к защитнику своих интересов, искренне доверяя свою жизнь и тем самым избавляясь от собственных мучений и страданий. У отдельного индивида (и в целом у индивидов, объединенных в массы) проходит беспокойство, какие-либо невротические и депрессивные состояния. Наступает состояние

внутреннего успокоения, нравственной удовлетворенности. Что весьма ощутимо сказывается на его (их) благосклонном восприятии власти. А власть в последующем достаточно свободно реализует с помощью подобных индивидов, объединенных в массы, какие-либо свои цели, превращая в жизнь собственные решения, состоящие иной раз в отыгрывании внутриличностных проблем того или иного руководителя. Ведь власть и на самом деле заволаживает. И помогает избавляться от комплексов и проблем, таившихся в подсознании. А с помощью страха, проецируемого на окружающих, возможно решить практически любые проблемы. Вот почему тот, кто стал руководителем (независимо от масштаба), кто получил возможность воздействовать на какую-либо группу (массу) индивидов, – уже ни за что добровольно не уйдет со своего поста, лишившись возможности управления с помощью подчинения. А если его и переведут с одной работы – он обязательно должен найти другую. Иначе возможно развитие совсем ненужной симптоматики психических заболеваний и вообще – болезни личности (души).

«...Отдельное эмоциональное побуждение и личный интеллектуальный акт индивида слишком слабы, чтобы проявиться отдельно, и должны непременно дожидаться заверки подобным повторением со стороны других, – писал З. Фрейд в своей программной работе «Психология масс и анализ человеческого Я»². – Вспомним, сколько этих феноменов зависимости входит в нормальную конституцию человеческого общества, как мало в нем оригинальности и личного мужества и насколько каждый отдельный индивид находится во власти установок массовой души, проявляющихся в расовых особенностях, сословных предрассудках, общественном мнении и т. п. Загадка суггестивного влияния разрастается, если признать, что это влияние исходит не только от вождя, но также и от каждого индивида на каждого другого индивида, и мы упрекаем себя, что односторонне выделили отношение к вождю, незаслуженно отодвинув на задний план другой фактор взаимного внушения. Научаясь таким образом скромности, мы прислушаемся к другому голосу, обещающему нам объяснение на более простых основах...».

Страх вообще универсальное (и едва ли не самое эффективное) средство управления массами. Как известно, страх относится к базовым инстинктам. Это то, что практически не поддается управлению. Что возникает порой хаотично, независимо от какого-то желания индивида. Как отмечал Фрейд в 25-й лекции по «Введению в психоанализ»³: «нервнобольные испытывают страх в гораздо большей степени, чем другие». Но ведь суть манипулирования как раз и заключается в том, чтобы любого индивида воспринимать как невротика. По большому счету, это и есть так. У каждого из нас есть определенные механизмы, воздействие на которые может приводить к образованию невроза (какой-либо из многочисленных форм невроза), а уже отсюда – к возможности управления индивидом (посредством вызывания невротичности). Как временная защита – ступор. Это не шизофренический ступор, вызванный своеобразным психическим заболеванием. В нашем случае как раз стоит говорить об образовании определенного промежутка времени, за который психика индивида должна привыкнуть к новой ситуации, проанализировать ее и найти верное решение. В данном случае практически одинаково действует психика и больного, и здорового человека. (Притом что абсолютно здоровых людей единицы. Да и зачастую это никакое не здоровье, а управление своими эмоциями. Так же, как на детекторе лжи опытные разведчики или психиатры способны инсценировать нужные им эмоции, фактически обманывая установку и не выдавая истинного состояния души.)

«...Проблема страха – узловой пункт, в котором сходятся самые различные и самые важные вопросы, – отмечал Фрейд⁴. –...О страхе можно много рассуждать, вообще не упоминая нервозности. Вы меня сразу поймете, если такой страх я назову реальным в противо-

² www.vapp.ru

³ www.psychol-ok.ru

⁴ www.psychol-ok.ru

положность невротическому. Реальный страх является для нас чем-то вполне рациональным и понятным. О нем мы скажем, что он представляет собой реакцию на восприятие внешней опасности, т. е. ожидаемого, предполагаемого повреждения, связан с рефлексом бегства, и его можно рассматривать как выражение инстинкта самосохранения. По какому поводу, т. е. перед какими объектами и в каких ситуациях появляется страх, в большой мере, разумеется, зависит от состояния нашего знания и от ощущения собственной силы перед внешним миром. Мы находим совершенно понятным, что дикарь боится пушки и пугается солнечного затмения, в то время как белый человек, умеющий обращаться с этим орудием и предсказать данное событие, в этих условиях свободен от страха. В другой раз именно большее знание вызовет страх, так как оно позволяет заранее знать об опасности. Так, дикарь испугается следов в лесу, ничего не говорящих неосведомленному, но указывающих дикарю на близость хищного зверя, а опытный мореплаватель будет с ужасом рассматривать облачко на небе, кажущееся незначительным пассажиру, но предвещающее моряку приближение урагана».

Рассматривая природу страха, Фрейд отмечает, что страх практически нельзя назвать целесообразным. Ведь при возникновении какой-либо опасности зачастую самым разумным (по крайней мере, в дикой природе) является бегство. Тогда как случаи показывают обратное. Страх парализует жертву. «...Если страх чрезмерно силен, – продолжает Фрейд⁵, – то он крайне нецелесообразен, он парализует тогда любое действие, в том числе и бегство. Обычно реакция на опасность состоит из смеси аффекта страха и защитного действия. Испуганное животное боится и бежит, но целесообразным при этом является бегство, а не боязнь.

Итак, возникает искушение утверждать, что проявление страха никогда не является чем-то целесообразным. Может быть, лучшему пониманию поможет более тщательный анализ ситуации страха. Первым в ней является готовность к опасности, выражающаяся в повышенном сенсорном внимании и моторном напряжении. Эту готовность ожидания следует, не задумываясь, признать большим преимуществом, ее же отсутствие может привести к серьезным последствиям. Из нее исходит, с одной стороны, моторное действие, сначала бегство, на более высокой ступени деятельная защита, с другой стороны, то, что мы ощущаем как состояние страха. Чем больше развитие страха ограничивается только подготовкой, только сигналом, тем беспрепятственней совершается переход готовности к страху в действие, тем целесообразней протекает весь процесс. Поэтому в том, что мы называем страхом, готовность к страху (Angstbereitschaft) кажется мне целесообразной, развитие же страха – нецелесообразным».

В какой-то мере в данной работе можно совсем не рассматривать многочисленные невротические страхи, так мучавшие психически больных людей. Однако, на наш взгляд, стоит хотя бы вскользь упомянуть о тех формах страха, которые свойственны индивидам в пограничных состояниях, когда вы словно бы стоите на распутье, не зная, что произойдет в следующий момент: поглотит вас симптоматика невроза или отпустит.

Интересны для нашего исследования такие формы проявления страха как раз по причине искусственного вызывания их при манипулятивном воздействии. Когда словом, жестом, каким-либо знаком в индивиде (или в индивидах, заключенных в массы) вызывается (провоцируется) беспокойство. И для избавления от формы беспокойства подобный индивид должен выполнять установки (требования), выдвигаемые манипулятором. В противном случае возможны проявления невротизма от обсессивно-компульсивного невроза (невроза навязчивых состояний) до шизоидных состояний.

Прослеживая природу страха и отвечая на вопрос: «Какие формы проявления и отношения имеет страх у нервнобольных?», в 35-й «Лекции по Введению» в психоанализ, Фрейд отмечал⁶: «Во-первых, мы находим общую боязливость, так сказать, свободный страх, готовый

⁵ www.psychol-ok.ru

⁶ www.psychol-ok.ru

привязаться к любому более или менее подходящему содержанию представления, оказывающий влияние на суждение, выбирающий ожидания, подстерегая любой случай, чтобы найти себе оправдание. Мы называем это состояние «страхом ожидания», или «боязливым ожиданием». Лица, страдающие этим страхом, всегда предвидят из всех возможностей самую страшную, считают любую случайность предвестником несчастья, используют любую неуверенность в дурном смысле. Склонность к такому ожиданию несчастья как черта характера встречается у многих людей, которых нельзя назвать больными, их считают слишком боязливыми или пессимистичными; но необычная степень страха ожидания всегда имеет отношение к нервному заболеванию, которое я назвал «неврозом страха» и причисляю к актуальным неврозам.

Вторая форма страха, в противоположность только что описанной, психически более связана и соединена с определенными объектами или ситуациями. Это страх в форме чрезвычайно многообразных и часто очень странных «фобий»... Некоторые из объектов и ситуаций, внушающих страх, и для нас, нормальных людей, являются чем-то жутким, имеют отношение к опасности, и поэтому эти фобии кажутся нам понятными, хотя и преувеличенными по своей силе. Так, большинство из нас испытывает чувство отвращения при встрече со змеей. Фобия змей, можно сказать, общечеловеческая, и Ч. Дарвин очень ярко описал, как он не мог побороть страх перед приближающейся змеей, хотя знал, что защищен от нее толстым стеклом. Ко второй группе мы относим случаи, имеющие отношение к опасности, в которых, однако, мы привыкли не придавать ей значения и не выдвигать ее на первый план. Сюда относится большинство ситуативных фобий. Мы знаем, что при поездке по железной дороге возникает больше возможностей для несчастного случая, чем дома, а именно вероятность железнодорожного крушения; мы знаем также, что корабль может пойти ко дну, и при этом, как правило, люди тонут, но мы не думаем об этих опасностях и без страха путешествуем по железной дороге и по морю. Нельзя также отрицать возможность падения в реку, если мост рухнет в тот момент, когда его переходишь, но это случается так редко, что не принимается во внимание как опасность. И одиночество имеет свои опасности, и мы избегаем его при известных обстоятельствах; но не может быть и речи о том, чтобы мы не могли его вынести при каких-то условиях и всего лишь на некоторое время. То же самое относится к человеческой толпе, закрытому помещению, грозе и т. п. Что нас поражает в этих фобиях невротиков, так это вообще не столько их содержание, сколько интенсивность. Страх фобий прямо неопишуем! И иной раз у нас складывается впечатление, будто невротики боятся вовсе не тех вещей и ситуаций, которые при известных обстоятельствах и у нас могут вызвать страх, а тех, которые они называют теми же именами.

Остается третья группа фобий, которые мы вообще не можем понять. Если крепкий взрослый мужчина не может от страха перейти улицу или площадь хорошо ему знакомого родного города, если здоровая, хорошо развитая женщина впадает в бессознательный страх, потому что кошка коснулась края ее платья или через комнату прошмыгнула мышь, то какую же мы можем здесь установить связь с опасностью, которая, очевидно, все-таки существует для страдающих фобиями? В относящихся сюда случаях фобии животных не может быть и речи об общечеловеческих антипатиях, потому что, как бы для демонстрации противоположного, встречается множество людей, которые не могут пройти мимо кошки, чтобы не поманить ее и не погладить. Мышь, которую так боятся женщины, в то же время служит лучшим ласкательным именем; иная девушка, с удовольствием слушая, как ее называет так любимый, с ужасом вскрикивает, когда видит милое маленькое существо с этим именем. В отношении мужчины, страдающего страхом улиц или площадей, мы можем дать единственное объяснение: что он ведет себя, как маленький ребенок. Благодаря воспитанию, ребенка непосредственно приучают избегать таких опасных ситуаций, и наш агорафобик действительно освобождается от страха, если его кто-нибудь сопровождает при переходе через площадь.

Обе описанные здесь формы страха, свободный страх ожидания и страх, связанный с фобиями, независимы друг от друга.

Один не является более высокой ступенью развития другого, они встречаются вместе только в виде исключения, и то как бы случайно. Самая сильная общая боязливость не обязательно проявляется в фобиях; лица, вся жизнь которых ограничена агорафобией, могут быть совершенно свободны от пессимистического страха ожидания. Некоторые фобии, например страх площадей, страх перед железной дорогой, приобретаются, бесспорно, лишь в зрелые годы, другие, как страх перед темнотой, грозой, животными, по-видимому, существовали с самого начала. Страхи первого рода похожи на тяжелые болезни; последние кажутся скорее странностями, капризами. У того, кто обнаруживает эти последние, как правило, можно предположить и другие, аналогичные. Должен прибавить, что все эти фобии мы относим к истерии страха, т. е. рассматриваем их как заболевание, родственное известной конверсионной истерии.

Третья из форм невротического страха ставит нас перед той загадкой, что мы полностью теряем из виду связь между страхом и угрожающей опасностью. Этот страх появляется, например, при истерии, сопровождая истерические симптомы, или в любых условиях возбуждения, когда мы, правда, могли бы ожидать аффективных проявлений, но только не аффекта страха, или в виде приступа свободного страха, независимого от каких-либо условий и одинаково непонятного как для нас, так и для больного. О какой-то опасности и каком-то поводе, который мог бы быть раздут до нее преувеличением, вовсе не может быть речи. Во время этих спонтанных приступов мы узнаем, что комплекс, называемый нами состоянием страха, способен расколоться на части. Весь припадок может быть представлен отдельным, интенсивно выраженным симптомом – дрожью, головокружением, сердцебиением, одышкой, – а обычное чувство, по которому мы узнаем страх, – отсутствовать или быть неясным, и все же эти состояния, описанные нами как «эквиваленты страха», во всех клинических и этиологических отношениях можно приравнять к страху».

Безусловно, благодаря воздействию на индивида с целью провоцирования в нем чувства страха (так же, впрочем, как и чувства вины, и проч.), возможно решать запланированные задачи по вовлечению индивидов в процессы, необходимые власти (если предположить что власть в данном случае и выступает в роли манипулятора). При этом можно использовать различные варианты воздействия на индивида (эффективнее в данном случае является воздействие на индивидов, объединенных в массу). Причем, как заключающееся в откровенном провоцировании чувства страха, так и в более изысканных и изощренных вариантах. И в том, и в другом случае воздействие разыгрывается практически в беспроигрышном варианте.

К формам провоцирования (вызывания) страха можно также отнести как откровенное провоцирование страха смерти или получения увечий, так и более изощренное – лишение свободы или, при попадании в СИЗО, – угроза поместить несговорчивого подследственного в камеру пыток («пресс-хату») или в камеру к опущенным («петухам»). Такое воздействие чаще всего и проще, и эффективнее (как говорится, «дешево и сердито»). А по способам выполнения может быть тоже без излишних изысков. Например, неожиданный арест на улице и помещение в КПЗ (камеру предварительного заключения) или СИЗО (следственный изолятор, тюрьму) способно вызвать в неподготовленном индивиде (не профессиональном преступнике) состояние беспомощности, резкого возрастания внутренней тревожности, беспокойства и, в конечном итоге, всего того, что в данном случае вполне можно было бы определить как страх. Потому как именно страх в данном случае будет выступать провокатором боязни того, что с индивидом может случиться нечто опасное. На вопрос, что такого опасного, большинство из тех, кто первый раз сталкивается с подобным, не ответит. В данном случае неким катализатором выступает ожидание опасности. То есть, если еще раз повторить, – ожидание страха. Ожидание, которое, воздействуя на психику индивида, способно забирать последние

силы. Потому как организм, которому мозг не может дать должного количества информации для анализа действительности, попадает в некий ступор. Когда психика блокируется, наступает некая заторможенность реакций. Наступает чувство сродни ощущению усталости. А в состоянии усталости, утомленности, полусонном состоянии индивидом всегда легче управлять. Ведь психика не может так четко реагировать, как в состоянии четкого бодрствования, когда достаточно легко производится анализ ситуационной действительности. Мозг индивида способен отдавать приказы, а тело – их выполнять. Нет. В нашем случае это уже будет совсем не так. Не способен. Будет наблюдаться замедленность реакции, заторможенность. А значит, подобного индивида легче склонить к выполнению требований. Например, в обмен на свободу или значительное уменьшение срока (из СИЗО могут отпустить, например, под подписку о невыезде. А на суде реальный срок заменить условным. И прочее. При попадании на зону (в ИТУ – исправительно-трудовое учреждение, лагерь) могут быть поблажки по режиму в результате сотрудничества с «кумом»). До «подопытного» индивида доводится (хоть на сознательном, хоть на бессознательном уровне), что если он не пойдет на уступки следователя (СИЗО) или «хозяина» (зона), то к нему будут применены меры репрессивного воздействия. Причем как официальные (помещение в карцер за нарушение режима), так и неофициальные (от якобы случайного помещения в камеру к опущенным до инсценирования слухов о сотрудничестве данного лица с администрацией; ну или организация любой «подставы» с последующим обвинением в «крысятничестве»).

2.2. Провоцирование психики как форма эффективного манипулирования

Помимо вызывания (провоцирования) чувства страха в манипулятивном воздействии на подсознание масс с целью управления используется также ряд других постулатов теории Фрейда, теории глубинной психологии. И в данном случае все примерно схоже: происходит вызывание каких-либо фобийных состояний или невротических зависимостей с целью последующего воздействия на них в нужный период времени – для управления (подчинения) масс.

«...Следует, пожалуй, более подробно остановиться на природе этого феномена и его месте в структуре взаимосвязей «личность – общество – государство», – пишет В. Медведев⁷. – Исходной предпосылкой рассуждения о природе социальной мифологии является тот постулат психологической теории, что в основании любой навязчивой, т. е. не связанной с непосредственными жизненными интересами массовой деятельности людей лежит определенная тревожность, снимаемая данной формой деятельности как искупительным ритуалом. Первичным источником любой тревожности выступает наше раннее детство, а поводом для ее воспроизведения в нашем взрослом поведении является система символики, предъявляемая нам окружающей культурой. Символ есть нечто, напоминающее нам о первичных, инфантильных переживаниях, а миф – это состояние аффективно окрашенного соответствия символики культуры и вытесненной памяти раннего детства, мира сказок и инфантильных фантазий».

2.3. Невроз как основа подчинения

Мы уже говорили о том, что большинство индивидов на самом деле желают подчиняться, желают делать работу (в более масштабном, геополитическом, плане – совершать поступки, думать и т. п.), которые фактически за них уже продумали. Обычному индивиду намного легче делать то, что за него уже решили другие. Ведь если совершать что-то придуманное самим, то это означает нести ответственность за это. А когда вы совершаете нечто, что желают большей

⁷ www.vapp.ru

частью другие, а для вас это, в общем-то, не составляет большого труда, не входит в противоречие с вашими нормами поведения, но вы понимаете, что, сделав подобное, в конечном итоге еще и окажете кому-либо услугу, – то почему бы и не совершить что-то подобное. Тем более не неся никакой ответственности.

И совершают. Многие, даже большинство индивидов, с легкостью выполняют то, необходимость совершения чего за них уже продумали другие. В этом случае они, по их мнению (бессознательно решая для себя подобное), не несут какую-то ответственность за это. А значит, для подобных индивидов уже значительно легче согласиться на выполнение того, на что они, в общем-то, были согласны и сами. Теперь перед ними словно бы открываются новые возможности. Цензура психики, некогда раньше мешавшая им, уходит. Границы тестирования реальности приоткрываются. А значит, по сути, многое становится возможным. Много, если не все. И для большинства индивидов уже именно это порой становится самым главным. Ведь существующие в психике запреты (рождение многих из запретов продиктовано общей культурой среды, системой норм, запретов и ценностей, существующих в цивилизованном обществе) зачастую оказывают негативное влияние на индивида. Он словно бы чувствует себя загнанным в ловушку. Много для него становится порой попросту невозможным. И все это зачастую при существующем желании именно достижения запретного.

Обычно то, что находится под запретом, бессознательно притягивает некоторых загадочно настроенных сограждан. Они вынуждены прилагать определенные усилия, стремясь не допустить совершения чего-то, что в итоге будет иметь для них свои негативные последствия. Когда же не только представляется возможность совершения чего-то подобного, но и такие индивиды понимают, что за это им, в общем-то, ничего не будет, – они смело бросаются в омут безобразий и человеческих пороков реализуя таким способом зачастую свои самые гнусные желания. После реализации которых у таких индивидов на непродолжительное время наступает гармония и единство тела и духа (что при обычных условиях в их случае весьма редко и практически недостижимо).

Ну и, кроме того, мы должны учитывать, что сознание (а уж тем более подсознание) обычного человека, за малым исключением, фактически не отличается от сознания невротика. В работе «О психоанализе» Фрейд писал⁸: «Позвольте мне здесь привести главный результат, к которому мы пришли на основании нашего психоаналитического исследования: неврозы не имеют какого-либо им только свойственного содержания, которого мы не могли бы найти и у здорового, или, как выразился К. Г. Юнг, невротика страдают теми же самыми комплексами, с которыми ведем борьбу и мы, здоровые люди. Все зависит от количественных отношений, от взаимоотношений борющихся сил, к чему приведет борьба: к здоровью, к неврозу или к компенсирующему высшему творчеству». А значит, согласно этим выводам, мы вполне можем предположить, что и само наше общество (да и вообще любое общество) нам следует рассматривать не только с позиции проявления невротизма, но и применять при анализе такого общества почти исключительно психоаналитический подход, как, на наш взгляд, наиболее проработанный в решении подобных вопросов.

Прежде всего нам необходимо проработать вопросы невротизма в целом и выяснить поведение невротика в частности.

Возникновение симптоматики невроза, по мнению Фрейда, это замещение какого-либо нереализованного желания. Чаще всего желание имеет какую-либо сексуальную подоплеку. «...Невротические симптомы... имеют смысл и находятся в интимном отношении к переживанию пациентов», – отмечал Фрейд в 17-й лекции по «Введению в психоанализ»⁹.

⁸ www.zigmund.ru

⁹ www.psychol-ok.ru

«Травматические неврозы носят явные признаки того, что в их основе лежит фиксация на моменте травмы, – отмечает Фрейд¹⁰ чуть ранее (в той же 17 лекции). – В своих сновидениях эти больные постоянно повторяют травматическую ситуацию; там, где встречаются истероподобные припадки, допускающие анализ, узнаешь, что припадок соответствует полному перенесению в эту ситуацию. Получается так, как будто эти больные не покончили с этой травматической ситуацией, как будто она стоит перед ними как неразрешенная актуальная проблема, и мы вполне серьезно соглашаемся с этим пониманием; оно показывает нам путь к экономическому, как мы называем, рассмотрению душевных процессов. Да, выражение «травматический» имеет только такой экономический смысл. Так мы называем переживание, которое в течение короткого времени приводит в душевной жизни к такому сильному увеличению раздражения, что освобождение от него или его нормальная переработка не удастся, в результате чего могут наступить длительные нарушения в расходовании энергии.

Эта аналогия наводит нас на мысль назвать травматическими также те переживания, на которых, по-видимому, фиксированы наши нервнобольные. Таким образом, для объяснения возникновения невротического заболевания как бы напрашивается одно простое условие. Невроз следовало бы уподобить травматическому заболеванию, а его возникновение объяснить неспособностью справиться со слишком сильным аффективным переживанием... Случается также, что травматическое событие, потрясающее все основы прежней жизни, останавливает людей настолько, что они теряют всякий интерес к настоящему и будущему и в душе постоянно остаются в прошлом, но эти несчастные не обязательно должны стать нервнобольными. Мы не хотим переоценивать для характеристики невроза эту одну черту, как бы постоянна и значительна она ни была... Вместе с Брейером я утверждаю следующее: каждый раз, сталкиваясь с симптомом, мы можем заключить, что у больного имеются определенные бессознательные процессы, в которых содержится смысл симптома. Но для того, чтобы образовался симптом, необходимо также, чтобы смысл был бессознательным. Из сознательных процессов симптомы не образуются; как только соответствующие бессознательные процессы сделаются сознательными, симптом должен исчезнуть. Вы сразу же предугадываете здесь путь к терапии, путь к уничтожению симптомов. Этим путем Брейер действительно вылечил свою истерическую пациентку, т. е. освободил ее от симптомов; он нашел технику доведения до ее сознания бессознательных процессов, содержавших смысл симптома, и симптомы исчезли... Образование симптома – это замещение (Ersatz) чего-то другого, что не могло проявиться. Определенные душевные процессы нормальным образом должны были бы развиваться настолько, чтобы они стали известны сознанию. Этого не случилось, но зато из прерванных, каким-то образом нарушенных процессов, которые должны были остаться бессознательными, возник симптом. Таким образом, получилось что-то вроде подстановки; если возвратиться к исходному положению, то терапевтическое воздействие на невротические симптомы достигнет своей цели... Положение о том, что симптомы исчезают, если их бессознательные предпосылки сделались сознательными, подтвердилось всеми дальнейшими исследованиями, хотя при попытке его практического применения сталкиваешься с самыми странными и самыми неожиданными осложнениями. Наша терапия действует благодаря тому, что превращает бессознательное в сознательное, и лишь постольку, поскольку она в состоянии осуществить это превращение... наше положение, что при знании их смысла симптомы исчезают, остается все-таки правильным. Дело только в том, что знание должно быть основано на внутреннем изменении больного, которое может быть вызвано лишь психической работой с определенной целью. Здесь мы стоим перед проблемами, которые скоро объединятся в динамику образования симптомов... Под «смыслом» симптома мы понимаем одновременно два момента: откуда он берется и куда или к чему ведет, т. е. впечатления и переживания, от которых он исходит, и цели, которым служит.

¹⁰ www.psychol-ok.ru

Таким образом, на вопрос, откуда берется симптом, отвечают впечатления, которые приходят извне, были когда-то в силу необходимости сознательными и с тех пор благодаря забыванию могут стать бессознательными. Но цель симптома, его тенденция – это каждый раз эндопсихический процесс, который, возможно, сначала был сознаваем, но не менее вероятно, что он никогда не был в сознании и давно оставался в бессознательном. Так что не очень важно, захватила ли амнезия также и исходные переживания, на которых основывается симптом, как это происходит при истерии; цель, тенденция симптома, которая с самого начала может быть бессознательна, основана на его зависимости от бессознательного, и при неврозе навязчивых состояний не менее тесной, чем при истерии... самый чувствительный удар по человеческой мании величия было суждено нанести современному психоаналитическому исследованию, которое указало Я, что оно не является даже хозяином в своем доме, а вынуждено довольствоваться жалкими сведениями о том, что происходит в его душевной жизни бессознательно...».

«Невроз является завершением конфликта между Я и Оно, а психоз является аналогичным исходом для подобной пертурбации в отношениях между Я и внешним миром, – отмечает Фрейд в работе «Невроз и психоз»¹¹. – Неврозы переноса возникают из-за того, что Я не желает воспринимать влечение, господствующее в Оно, и не желает пропускать его двигательный разряд или оспаривать преследуемую им цель. Я защищается от него при помощи механизма вытеснения; вытесненное восстает против такой судьбы, оно выбирает пути, над которыми Я не имеет никакой власти, принимая вид субститута, который навязывается Я путем компромисса: симптома. Я видит, что его единство находится под угрозой и нарушено этим незаконно вторгшимся, и продолжает бороться против симптома так же, как оно защищалось от первичного влечения, и все это вместе взятое и составляет картину невроза. Не вызывает возражений то, что Я, предпринимая вытеснение, следует, по сути, приказаниям своего «Сверх-Я», происходящим, в свою очередь, от тех же влияний внешнего мира, которые нашли в «сверх-Я» свое представительство. Очевидно, что Я перешло на сторону этих сил, что их требования берут в нем верх над импульсными требованиями Оно, и что Я является той силой, которая осуществляет вытеснение в отношении этого участия Оно и стремится консолидировать его, прибегая к контрсопротивлению. Будучи на службе у «сверх-Я» и реальности, Я вступило в конфликт с Оно, и именно это характеризует все неврозы переноса... Общей этиологией для резкого проявления психоневроза или невроза по-прежнему остается фрустрация, неисполнение одного из детских желаний, которые так и не были подавлены и которые так глубоко укоренились в нашей филогенетической организации. Эта фрустрация, в конечном счете, всегда внешнего происхождения. В некоторых случаях она может исходить из этого компонента (в Сверх-Я), который принял на себя представительство требований реальности. Патогенный эффект связан тогда с тем, что при таком чреватом конфликтом напряжении либо Я остается верным своей зависимости от внешнего мира и пытается заставить Оно молчать, либо оно дает Оно подчинить себя и таким образом оторвать от реальности. Но в этой, казалось бы, простой ситуации возникает осложнение, связанное с существованием «Сверх-Я», которое с непонятной еще для нас сложностью объединяет в себе влияния Оно, равно как и влияния внешнего мира, и представляет, в определенной степени, идеальную модель того, к чему направлены все усилия Я: примирения его многочисленных зависимостей. Поведение «сверх-Я» должно приниматься во внимание при всех формах психического заболевания, что до сих пор не делалось. Но мы можем предварительно постулировать, что возможно существование аффектаций, имеющих первопричиной конфликт между Я и «сверх-Я». Анализ меланхолии позволяет нам распознать в ней модель этой группы, и мы могли бы дать таким расстройствам название «нарциссические психоневрозы». Это, разумеется, согласуется с нашими впечатлениями, когда мы

¹¹ www.freudlacan.org

обнаруживаем причины, отделяющие такие состояния, как меланхолия, от других психозов. Но тогда мы видим, что можем дополнить нашу простую генетическую формулу, не отказываясь от нее. Невроз переноса соответствует конфликту между Я и Оно, нарциссический невроз – конфликту между Я и «Сверх-Я», психоз – конфликту между Я и внешним миром. Разумеется, мы еще не можем сказать, действительно ли мы открыли новые перспективы или всего лишь обогатили сокровищницу наших формул. Но я думаю, что эта возможность практического применения должна, тем не менее, побудить нас не бросать из виду наше предложение о разделении психического аппарата между Я, «сверх-Я» и Оно.

Утверждение, что неврозы и психозы порождаются конфликтами между Я и разными инстанциями, господствующими над ним, что они, стало быть, отражают нарушение в работе Я, которое, тем не менее, пытается примирить между собою различные требования, это утверждение нуждается в других разъяснениях. Хотелось бы узнать, при каких обстоятельствах и с помощью каких средств Я удастся безболезненно избегать вечного присутствия таких конфликтов. Это новая область исследований, в которой, безусловно, необходимо будет принимать во внимание самые различные факторы. Но мы немедленно должны подчеркнуть два момента: исход всех этих ситуаций будет зависеть, несомненно, от экономических условий и от соответствующего значения противоборствующих тенденций. Впрочем, Я сможет избежать всяческих разрывов, деформируясь само, соглашаясь на потерю своей целостности, возможно, даже разобщаясь или дробясь. Следовательно, необдуманные поступки, странности и экстравагантности людей можно оценивать таким же образом, как и сексуальные перверсии, принятие которых избавляет их в действительности от вытеснения».

В своей следующей статье «Утрата реальности при неврозе и психозе»¹² Фрейд дополняет свое учение о неврозе. «Любой невроз, – отмечает он, – тем или другим образом нарушает связь больного с реальностью, он предоставляет ему средства для того, чтобы уйти от нее, и в своих самых серьезных проявлениях он определенно означает побег от реальной жизни. Это противоречие заслуживает того, чтобы над ним задуматься, между тем, однако, его легко устранить, и его решение по крайней мере поспособствует прогрессу нашего понимания невроза.

Это противоречие в действительности существует только до тех пор, пока мы рассматриваем исходную ситуацию невроза, когда Я, слуга реальности, предпринимает вытеснение влечения. Но здесь речь еще не идет о самом неврозе. Последний в гораздо большей степени заключается в процессах, несущих компенсацию поврежденной части Оно, следовательно, в реакции на вытеснение и в его неудаче. Ослабление связи с реальностью является тогда следствием этого второго этапа в формировании невроза, и мы бы не удивились, если бы тщательное исследование показало, что потеря реальности касается именно той части реальности, требование которой повлекло импульсивное вытеснение.

Характеризовать невроз как результат тщетной попытки вытеснения – в этом нет ничего нового, это то, о чем мы постоянно говорили... Невроз не отрицает реальность, он просто ничего не хочет знать о ней; психоз отрицает ее и пытается заменить. Мы характеризуем как нормальное, или «здоровое», поведение, объединяющее некоторые признаки обеих реакций, которое немного отрицает реальность, что делает невроз, но затем прилагает усилия, чтобы изменить ее, как это делает психоз. Это нормальное адекватное поведение ведет, естественно, к выполнению наружной работы над внешним миром и не довольствуется, как при психозе, осуществлением внутренних перемен. Оно больше не автопластическое, но аллопластическое.

При психозе перестройка реальности направлена на психические остатки отношений, поддерживаемых с ней до этого времени, то есть на следы в памяти, представления и суждения, которые выносились относительно нее до этого времени и посредством которых она была пред-

¹² www.freudlacan.org

ставлена в психической жизни. Но эта связь никогда не была завершенной, она непрерывно обогащалась, изменялась под воздействием новых восприятий. Так, например, для психоза встает вопрос о создании восприятий, отвечающих новой реальности, что достигается самым радикальным способом через галлюцинацию. И если иллюзии памяти, бредовые состояния и галлюцинации принимают чрезвычайно мучительный характер в стольких формах и случаях психоза и если они сопровождаются приступами страха, то это знак, что весь процесс перестройки происходит в противостоянии с резко враждебными силами. Мы можем составить себе представление об этом процессе по модели невроза, которая известна нам лучше. Здесь мы замечаем, что каждый раз, когда вытесненное влечение пытается прорваться, возникает реакция страха и что исход конфликта является при этом лишь компромиссом и способен принести лишь неполное удовлетворение. Кажется правдоподобным, что в психозе часть реального, которая была отброшена, не прекращает навязывать себя психической жизни, точно так, как это делает в неврозе вытесненное влечение, и поэтому последствия, в общем, одинаковы в обоих случаях. Еще не было предпринято ни одного психиатрического исследования, с тем чтобы осветить различные механизмы, толкающие при психозах к уходу от реальности, так же, как не была оценена степень успеха, который можно ожидать от него.

Следовательно, между неврозом и психозом действительно существует более тесная аналогия: как в первом, так и во втором задача, предпринятая на втором этапе, терпит частичную неудачу; вытесненное влечение не может предоставить полный субститут (невроз) и то, что представляет реальность, не поддается формированию в удовлетворительном виде (по крайней мере, не во всех формах психических болезней). Но в обоих случаях акценты ставятся по-разному. В психозе акцент полностью переносится на первый этап, который является патологическим по своей природе и может вести лишь к болезни. В неврозе, наоборот, он переносится на второй этап, на неудачное вытеснение, тогда как первый этап может оказаться успешным, и, впрочем, он оказывается успешным бесчисленное количество раз, не выходя за рамки здорового состояния, даже если при этом не обходится без причинения какого-то ущерба и без того, чтобы не остались следы психического расходования, требуемого для этого. Эти различия и, возможно, еще многие другие являются следствием топического различия в изначальной ситуации патогенного конфликта, в зависимости от того, уступило ли «Я» своей привязанности к реальному миру или своей зависимости от «Оно».

Невроз довольствуется, как правило, тем, что избегает соответствующей части реальности и предохраняет себя от встречи с ней. Четкое различие между неврозом и психозом, тем не менее, стирается, потому что при неврозе также не редки попытки заменить нежелательную реальность реальностью, более соответствующей желанию. Это делается возможным благодаря существованию воображаемого мира, области, которая была оторвана от внешнего реального мира в момент введения принципа реальности и которая с того времени охранялась от требований жизненной потребности как «заповедник», не доступный для Я, но имеющий с ним лишь ослабленные связи. Невроз черпает из этого воображаемого мира материал для новых конструкций своего желания и обычно находит его путем регрессии в реальное прошлое, удовлетворяющее его в большей степени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.